

Сказки Константина Дмитриевича Ушинского. Сивка- бурка

1

Было у старика трое сыновей: двое умных, а третий – Иванушка-дурачок: день и ночь дурачок на печи валяется.

Посеял старик пшеницу, и выросла пшеница богатая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночам толочь и травить. Вот старик и говорит детям:

– Милые мои дети, стерегите пшеницу каждую ночь, поочередно: поймайте мне вора!

Приходит первая ночь. Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать; забрался он на сеновал и проспал до утра. Приходит утром домой и говорит:

– Всю ночь-де не спал, иззяб, а вора не видал.

На вторую ночь пошел средний сын и также всю ночь проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черед дураку идти. Взял он аркан и пошел. Пришел на межу и сел на камень: сидит, не спит, вора дожидается.

В самую полночь прискакал в пшеницу разношерстный конь: одна шерстинка золотая, другая – серебряная; бежит – земля дрожит, из ноздрей дым столбом валит, из очей пламя пышет. И стал тот конь пшеницу есть: не столько ест, сколько топчет.

Подкрался дурак на четвереньках к коню и разом накинул ему на шею аркан. Рванулся конь изо всех сил, не тут-то было! Дурак уперся, аркан шею давит. И стал тут конь дурака молить:

– Отпусти ты меня, Иванушка, а я тебе великую сослужу службу.

– Хорошо, – отвечает Иванушка-дурачок, – да как я тебя потом найду?

– Выйди за околицу, – говорит конь, – свистни три раза и крикни: «Сивка-бурка, вещей каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» – я тут и буду.

Отпустил коня Иванушка-дурачок и взял с него слово – пшеницы больше не есть и не топтать.

Пришел Иванушка домой.

– Ну что, дурак, видел? – спрашивают братья.

– Поймал я, – говорит Иванушка, – разношерстного коня; пообещался он больше не ходить в пшеницу – вот я его и отпустил.

Посмеялись вволю братья над дураком; но только уж с этой ночи никто пшеницы не трогал.

2

Скоро после этого стали по деревням и городам бирючи от царя ходить, клич кликать:

– Собирайтесь-де, бояре и дворяне, купцы и мещане и простые крестьяне, все к царю на праздник, на три дня; берите с собой лучших коней, и кто на своем коне до царевнина терема доскочит и с царевниной руки перстень снимет, за того царь царевну

замуж отдаст.

Стали собираться на праздник и Иванушкины братья: не то чтобы уж самим скакать, а хоть на других посмотреть. Просится и Иванушка с ними.

– Куда тебе, дурак, – говорят братья, – людей, что ли, хочешь пугать? Сиди себе на печи да золу пересыпай.

Уехали братья, а Иванушка-дурачок взял у невесток лукошко и пошел грибы брать. Вышел Иванушка в поле, лукошко бросил, свистнул три раза и крикнул:

– Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из очей пламя, из ноздрей дым столбом валит; прибежал – и стал перед Иванушкой как вкопанный.

– Ну, – говорит конь, – влезай мне, Иванушка, в правое ухо, а в левое вылезай.

Влез Иванушка коню в правое ухо, а в левое вылез – и стал молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать.

Сел тогда Иванушка на коня и поскакал на праздник к царю. Прискакал на площадь перед дворцом, видит – народу видимо-невидимо; а в высоком терему, у окна, царевна сидит: на руке перстень – цены нет; собой – красавица из красавиц. Никто до нее скакать и не думает: никому нет охоты наверняка шею ломать. Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бедрам. Осерчал конь, прыгнул – только на три венца до царевнина окна не допрыгнул. Удивился народ, а Иванушка повернул коня и поскакал назад; братья его не скоро посторонились, так он их шелковой плеткой хлестнул. Кричит народ: «Держи! Держи его!» – а Иванушкин уж и след простыл.

Выехал Иван из города, слез с коня, влез к нему в левое ухо, в правое вылез и стал опять прежним Иванушкой-дурачком. Отпустил

Иванушка коня, набрал лукошко мухоморов и принес домой.

– Вот вам, хозяйюшки, грибков! – говорит.

Рассердились тут невестки на Ивана:

– Что ты, дурак, за грибы принес? Разве тебе одному их есть!

Усмехнулся Иван и опять залег на печь.

Пришли братья домой и рассказывают отцу, как они в городе были и что видели; а Иванушка лежит на печи да посмеивается.

3

На другой день старшие братья опять на праздник поехали, а Иванушка взял лукошко и пошел за грибами. Вышел в поле, свистнул, гаркнул:

– Сивка-бурка, вещей каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!

Прибежал конь и стал перед Иванушкой как вкопанный. Перерядился опять Иван и поскакал на площадь. Видит – на площади народу еще больше прежнего; все на царевну любуются, а прыгать никто и не думает: кому охота шею ломать? Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бедрам. Осерчал конь, прыгнул – и только на два венца до царевнина окна не достал. Поворотил Иванушка коня, хлестнул братьев, чтоб посторонились, и ускакал.

Приходят братья домой, а Иванушка уж на печи лежит, слушает, что братья рассказывают, и посмеивается.

На третий день опять братья поехали на праздник; прискакал и Иванушка. Стегнул он своего коня плеткой. Осерчал конь пуще прежнего: прыгнул – и достал до окна. Иванушка поцеловал царевну в сахарные уста, схватил с ее пальца дорогой перстень, повернул коня и ускакал, не позабывши братьев плеткой огреть. Тут уж и царь, и царевна стали кричать: «Держи, держи его!» А Иванушкин и след простыл.

Пришел Иванушка домой: одна рука тряпкой обмотана.

– Что это у тебя такое? – спрашивают Ивана невестки.

– Да вот, – говорит, – искавши грибов, сучком накололся. – И полез Иван на печь.

Пришли братья, стали рассказывать, что и как было; а Иванушке на печи захотелось на перстенок посмотреть; как приподнял он тряпку, избу всю так и осияло.

– Перестань, дурак, с огнем баловать! – крикнули на него братья. – Еще избу сожжешь. Пора тебя, дурака, совсем из дому прогнать!

Дня через три идет от царя клич, чтобы весь народ, сколько ни есть в его царстве, собрался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться; а кто царским пиром побрезгует, тому голову с плеч.

Нечего тут делать: пошел на пир сам старик со своей семьей. Пришли, за столы дубовые посадились; пьют и едят, речи гуторят. В конце пира стала царевна медом из своих рук гостей обносить. Обошла всех, подходит к Иванушке последнему; а на дураке-то платьишко худое, весь в саже, волосы дыбом, одна рука грязной тряпкой завязана... Просто страсть!

– Зачем это у тебя, молодец, рука обвязана? – спрашивает царевна. – Развяжи-ка!

Развязал Иванушка руку, а на пальце царевнин перстень – так всех и осиял. Взяла тогда царевна дурака за руку, подвела к отцу и говорит:

– Вот, батюшка, мой суженый.

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одели в царское платье, и стал он таким молодцом, что отец и братья глядят – и глазам своим не верят. Сыграли свадьбу царевны с Иванушкой и сделали пир на весь мир. Я там был, мед пил; по усам текло, а в рот не

попало.

     (Голосов: **9**. Рейтинг: **3,78** из 5)

 Загрузка...